

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА В РОССИЙСКО- АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

ПАВЕЛ ШАРИКОВ

Институт США и Канады РАН, Москва, Россия

Резюме

Цель статьи – проанализировать роль информационной повестки дня на фоне обострения российско-американских отношений середины 2010-х годов в свете взаимных обвинений во вмешательстве во внутривнутриполитические процессы. Повсеместное распространение информационных технологий оказало заметное влияние на политические процессы. В первую очередь этот эффект обусловлен активизацией коммуникации между властью и гражданским обществом. Приоритетное значение приобрела проблематика информационной безопасности. Она имеет непосредственное отношение к защите государственного суверенитета, поскольку вмешательство в этот процесс отражается на общественной поддержке политических деятелей на выборах и между ними. Проблематика внешнего вмешательства во внутренние дела рассматривается в контексте политических подходов к регулированию информации. Американский опыт регулирования информационной сферы заслуживает особого внимания, учитывая, что именно в этой стране находился центр информационно-технологической революции. После периода проб и ошибок был предложен и реализован политический подход, гарантирующий индивидам равные возможности в области производства и потребления информации – нейтральность сети. При этом примечательно, что подобный принцип можно экстраполировать и на внешнеполитические действия Соединённых Штатов. Иными словами, препятствия, не позволяющие США свободно распространять информацию в мире, воспринимаются Вашингтоном как угроза. Российский подход основывается на более консервативных правовых традициях. Особенностью отечественной политики выступает секьюритизация не только сохранности инфраструктуры, но и соответствия содержания распространяемой внутри страны информации установленным стандартам. Принятое в России законодательство устанавливает достаточно жёсткие нормы регулирования информационной сферы, включающие запрет на доступ к некоторым интернет-ресурсам, а также широкие полномочия специальных служб в области доступа к конфиденциальным данным. Противоречия между Россией и США в защите государственного суверенитета в информационную эпоху наиболее ярко проявляются в проблеме вмешательства в президентские выборы. Под взаимными обвинениями в такого рода деятельности в России и в Соединённых Штатах понимаются принципиально разные

Дата поступления рукописи в редакцию: 25 апреля 2018 г.

Дата принятия к публикации: 28 августа 2018 г.

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: pasha.sharikov@gmail.com

вещи, а действия, которые в Соединённых Штатах считаются правомерными для защиты суверенитета, воспринимаются как угроза в России – и наоборот.

Ключевые слова:

российско-американские отношения; информационная безопасность; государственный суверенитет; информационная политика; защита конфиденциальных данных; нейтральность сети; президентские выборы; вмешательство во внутренние дела.

Социальные последствия наблюдаемой со второй половины XX в. информационной революции стали объектом многочисленных научных исследований. В частности, один из пионеров исследований постиндустриального общества, Д. Белл, утверждал, что оно «в той же мере является информационным, в какой индустриальное общество – товаропроизводящим» [Bell 1973: 116]. В свою очередь Э. Тоффлер утверждал, что средства массовой информации усиливают демассификацию общества, что влечёт за собой «огромный скачок объёма информации, которой обмениваются люди друг с другом, и поэтому общество становится информационным» [Toffler 1980: 182–183].

В современной мировой политике информация одновременно формирует стратегический ресурс, инструмент международного влияния и среду взаимодействия. При этом она обладает рядом уникальных свойств, отличающих её от материальных объектов. Прежде всего – неотчуждаемость: передача или обмен информацией, в большинстве случаев, не подразумевает её исчезновения у одного субъекта при появлении у другого. Безопасность информации подразумевает гарантию сохранения ряда её свойств – объективность, доступность, целостность, конфиденциальность, оперативность. Информационные ресурсы состоят из двух взаимодополняемых элементов – содержания и инфраструктуры.

С учётом отмеченных выше социальных сдвигов задача поддержания безопасности информации стала приоритетом внутриполитического регулирования и международных отношений. Её решение осложняется тем, что производство и потребление этого ресурса в значительно большей степени индивидуализировано по сравнению с промышленными товарами и другими объектами.

К началу XXI в. влияние информационной революции стало настолько заметным, что потребовало вовлечения политических систем в управление её результатами. Вместе с тем, с учётом возросших возможностей индивидов, потенциал государственного регулирования и контроля над информационными ресурсами оказывается крайне ограниченным. Одним из самых серьёзных вызовов современности становится обеспечение информационной безопасности.

При этом международное измерение проблемы управления информацией не менее актуально, чем внутриполитическое. Информационные ресурсы активно используются даже отдельными индивидами для достижения различных политических, экономических и прочих целей. В результате глобальное информационное пространство стало средой взаимодействия разнообразных субъектов, среди которых государства не являются единственными или даже основными игроками. Более того, в силу особенностей информационного пространства применить в его отношении те же нормы международного права, что и в отношении других пространств (наземного, морского, воздушного или космического), невозможно.

На этом фоне перед правительственными ведомствами встают новые задачи в сфере защиты национального суверенитета. В той или иной степени информационная революция коснулась всех стран, и в каждом отдельном случае реакция государства основывалась на существующих правовых и политических традициях. Подход к регулированию информационных ресурсов в западных обществах, и в первую очередь в Соединённых Штатах, заметно отличается от российского, что и стало одной из предпосылок ухудшения двусторонних

отношений. В условиях глобализации внутривластные изменения неизбежно приводят к появлению противоречий между субъектами международных взаимодействий. Информационная асимметрия, а также различные подходы к регулированию информационных потоков стали дополнительным аспектом в развернувшемся обострении российско-американских отношений.

1

Феномен суверенитета носит многогранный характер, соединяя как внутривластные, так и международные аспекты. Стивен Краснер, в частности, выделяет четыре различных понимания суверенитета: международно-правовой, Вестфальский, внутренний и взаимозависимый. «Международно-правовой суверенитет подразумевает практику взаимного признания, как правило, между территориальными образованиями, имеющими формальную юридическую взаимозависимость. Вестфальский суверенитет относится к политической организации, основанной на исключении внешних акторов из властных структур на определённой территории. Внутренний суверенитет основывается на формальной организации политической власти внутри государства и её способности осуществлять эффективное управление. Наконец, взаимозависимый суверенитет относится к публично-властному регулированию потоков информации, идей, товаров, рабочей силы, капитала через границу государства» [Krasner, 1999: 4]. Представляется, что внутривластное, правовое понимание суверенитета первично — оно начало формироваться в эпоху Просвещения и подразумевало распространение власти на некоторую территорию и живших на ней людей. Выделение международного измерения суверенитета в настоящее время нередко связывают с подписанием Вестфальского мира в 1648 году. Однако ряд исследователей небезосновательно отмечают, что суверенитет эпохи абсолютизма отличался от современного [Teschke 2003: 152]. Таким образом, в про-

цессе своей эволюции на протяжении истории понятие суверенитета наполнялось новым содержанием.

По мере прогресса правовой мысли и развития политических институтов в странах Запада возникла концепция народного суверенитета. В её основе лежало представление, что власть в государстве принадлежит не монархам, а всем гражданам в равной степени. Неотъемлемым элементом принципа верховенства права выступила гарантия неприкосновенности частной собственности. В контексте эволюции правовой и политической мысли революционной стала идея распространения этого принципа и связанных с ним гарантий на всех граждан, а не только на привилегированные сословия. Классические работы Томаса Гоббса, Джона Локка, Жан-Жака Руссо и других философов Нового времени заложили основы современной демократии в странах Запада. Институты представительной власти стали основой народного суверенитета.

Отечественный исследователь А.А. Кокошин внёс вклад в развитие концепции реального суверенитета, под которой подразумевается обеспечение стабильности политической системы, национального единства, отсутствия фундаментальных противоречий между властью, гражданским обществом, бизнес-элитой и интеллектуальной элитой [Кокошин 2006: 26]. Иными словами, публично-властные отношения предстают не просто общественным договором и добровольным ограничением индивидуальной свободы, но постоянной поддержкой и одобрением большинством населения политики, проводимой государством. Необходимое условие единства власти и общества — выборный характер назначения лиц на ключевые должности. В этой связи вмешательство в выборы и внутренние дела другим государством выступает непосредственной угрозой суверенитету.

Под влиянием информационной революции понятие государственного суверенитета наполняется новым содержанием. В традиционном правовом подходе «пре-

обладает привязка к территории» [Ефремов 2017: 203], что порождает комплекс проблем при политическом регулировании информационных ресурсов. Их стратегическое значение предполагает государственные гарантии верховенства права и неприкосновенности частной собственности в отношении такого рода активов. Учитывая особенность информационных ресурсов, решение этой задачи требует иных подходов по сравнению с обеспечением сохранности материальных благ.

Обеспечение безопасности информации заключается в поддержании условий её распространения и потребления. Коммерческие технологии, доступные практически повсеместно, заметно превосходят возможности государств в области контроля и регулирования данных. Сложнейший и на данный момент ещё не разрешённый вызов современной эпохи – выработка норм, гарантирующих равные возможности индивидуального производства и потребления информации, а также определение баланса между полномочиями государства в регулировании информационной сферы и индивидуальной свободой.

В эпоху глобализации внешняя и внутренняя составляющие государственного суверенитета оказываются тесно переплетёнными, а информационная революция усиливает эту взаимозависимость, поскольку благодаря её достижениям возможности индивидуального влияния распространяются за рамки национальных границ. В результате угрозы информационной безопасности государства исходят как от внутренних игроков, так и извне. Защита же информационных ресурсов выступает элементом поддержания национального суверенитета. Одновременно обеспечение национальной безопасности предполагает использование информационного воздействия как инструмента международного влияния. Барьеры, препятствующие ис-

пользованию информации в таком качестве, также создают угрозу национальной безопасности. Наконец, необходимым условием жизнедеятельности любого современного общества и государства оказывается надёжное функционирование глобальной инфраструктуры – киберпространства, среды взаимодействия.

Информационная революция открыла широкие возможности человеческого развития. В современной американской литературе описываемый феномен получил название «individual empowerment»¹. На русский язык его можно перевести как расширение индивидуальных возможностей политического влияния. По мнению американских политических экспертов, в системе государственного управления это приводит к ослаблению власти правительства.

Примечательно, что во многих странах, в особенности там, где существует социально-экономическая напряжённость, власти стремятся ограничить подобную деятельность, порой весьма эффективно. Более того, в странах с авторитарными режимами правления информационные технологии нередко становятся репрессивным инструментом. Наиболее ярким примером подобной практики, возможно, является так называемая система социального кредита, которая практикуется в Китае начиная с 2013 года. Корреспондент *Foreign Policy* утверждает, что данная система позволяет «автоматизировать бюрократию посредством технологий тотального контроля над гражданами»². Различные формы использования информационных технологий государством для контроля над обществом встречаются и в других странах. Многие исследователи обращают внимание на то, что авторитарные режимы часто блокируют доступ к Интернету в преддверии и во время гражданских политических событий [Ruijgrok 2016: 6].

¹ См., напр.: Global Trends 2030 Alternative Worlds. P. iii. URL: <https://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf>

² *Mistreanu S.* Life Inside China's Social Credit Laboratory. April 3, 2018. Foreign Affairs. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/04/03/life-inside-chinas-social-credit-laboratory/>

При этом в странах с развитыми традициями верховенства права государство стремится гарантировать равные возможности использования информационных технологий. В странах с авторитарным укладом политические институты стремятся усилить государственный контроль над информационной сферой. Эти различия в подходах отражаются на политике в отношении защиты государственного суверенитета.

Возрастание индивидуальных возможностей политического влияния становится вызовом государственному суверенитету, так как в случае, если правительство проводит непопулярную внутреннюю политику, гражданское общество может использовать информационные технологии для координации усилий по оказанию воздействия на политические решения, принимаемые руководством. В эпоху до появления Интернета такое было практически исключено. Технологии обмена информацией доинформационной эпохи, во всяком случае до появления и распространения Интернета, давали преимущества правительству по сравнению с любым революционным движением.

К примеру, лидер русской революции В.И. Ленин, давая советы молодым революционерам, писал, что в ходе вооружённого восстания необходимо, чтобы прежде всего «ценой каких угодно потерь были удержаны телефон, телеграф» [Ленин 1969: 382]. Такие действия лишили бы органы государственной безопасности информационного преимущества и обеспечили бы победу революционеров. В современном мире, напротив, как раз индивиды обладают колоссальным преимуществом по сравнению с силовыми ведомствами благодаря возможности мобилизации и координации своих действий через Интернет.

В XXI в. уже были случаи того, как социальные сети и другие интернет-технологии успешно использовались для мобилизации гражданского населения и даже свержения авторитарных режимов. В частности, такая логика лежала в основе событий в Египте в 2011 году. Один из основных участников протестных движений, Ваэль

Гоним, в своей книге «Революция 2.0» [Гоним 2012] детально описал методы борьбы в условиях современного общества. Будучи специалистом по информационным технологиям, он использовал Интернет для того, чтобы не только перенести политическую борьбу из социальных сетей на улицы, но и добиться победы протестующих. Примечательно, что при возникновении протестных движений в настоящее время правительства стремятся отключать Интернет для того, чтобы лишить оппонентов информационного преимущества.

Более того, проблема имеет далеко не только внутригосударственное измерение, но и глобальное. Информационное пространство позволяет индивидам объединяться для достижения политических и иных целей в глобальном масштабе. С этим связано появление в современной международной системе большого числа негосударственных субъектов, обладающих мощными информационными ресурсами и нередко конкурирующих с государствами.

Многие проблемы современных международных отношений обусловлены тем, что ни внутриполитические, ни международные институты не в состоянии регулировать взаимодействие в информационном пространстве, прежде всего по той причине, что большинство из них было создано в середине XX в. для решения принципиально иных задач в других условиях.

Информационно-коммуникационные технологии оказали революционное влияние на государственный суверенитет. Стратегическое значение информации в современном мире требует изменений политического регулирования с целью обеспечения безопасности. Всё большее применение находят инструменты международного информационного воздействия, которыми активно пользуются не только правительства, но и многочисленные негосударственные объединения. Информационное взаимодействие происходит в новом пространстве, не имеющем исторических аналогов, а соответственно норм поведения и опыта правового регулирования. Судя по всему, различное понимание проблематики

государственного суверенитета в отношении информационных ресурсов является ключевым фактором, препятствующим достижению согласия по этому вопросу между государствами. В частности, Россия добивается «закрепления принципа невмешательства в информационное пространство. Согласно российской концепции Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, «каждое государство вправе устанавливать суверенные нормы и управлять в соответствии с национальными законами своим информационным пространством»³. Елена Зиновьева обращает внимание на то, что «хотя в документе указывается, что государства должны защищать свободу слова в Интернете» и «не вправе ограничивать доступ граждан к информационному пространству», делается важная оговорка: правительства могут вводить ограничения «в целях защиты национальной и общественной безопасности» [Зиновьева 2016].

Страны Запада придерживаются несколько иного взгляда на вопрос распространения государственного суверенитета на информационное пространство. Мнения западных специалистов были суммированы в так называемом Таллинском пособии, опубликованном Центром превосходства НАТО по кооперативной киберобороне. Первая глава пособия в редакции 2013 г. посвящена проблеме суверенитета в информационном пространстве. В пособии подтверждается идея о суверенном праве государств в информационной сфере⁴, однако вопросы свободы слова не рассматриваются.

В этих условиях происходит усугубление противоречий в российско-американских отношениях. При этом Россия и США представляют собой две полярные модели современного мира. Соединённые Штаты

в конце XX в. стали мировым лидером, консолидировав вокруг себя страны западной цивилизации. Особенности американской политической системы создали благоприятные условия для интеллектуального производства, ставшего локомотивом развития национальной экономики во второй половине XX века. Россия остаётся одной из мировых индустриальных держав, однако её роль меняется в связи со снижением доли энергетического сырья на фоне стремительного роста других, в первую очередь высокотехнологичных отраслей экономики. Очевидно, что для обеспечения конкурентоспособности экономики большую роль играет государственная информационная политика. В условиях глобализации взаимодействие в информационном пространстве неизбежно, однако описанные выше противоречия в большинстве случаев приводят к конфликтам.

2

Регулирование информационной сферы стало приоритетом американской государственной политики раньше, чем это сделали другие страны. При этом, в свете глобального лидерства Соединённых Штатов в создании Интернета, принятые Вашингтоном решения имели непосредственное влияние на развитие Всемирной сети в целом. При этом информационная политика США формировалась под влиянием логики двухпартийного политического процесса.

Наиболее интенсивный период информационной революции, связанный с распространением Интернета, пришёлся на 1990-е годы – правление президента-демократа Уильяма Клинтона. Его администрация поощряла этот процесс, избегая попыток его зарегулировать. С этим связано и то, что компании информационно-техно-

³ Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) 22 сентября 2011 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6Z29/content/id/191666?p_p_id=101_INSTANCE_CptlCk6B6Z29&_101_INSTANCE_CptlCk6B6Z29_languageId=ru_RU

⁴ Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare. Prepared by the International Group of Experts at the Invitation of the NATO Cooperative Defence Centre of Excellence. General Editor Michael N. Schmitt. Cambridge University Press, 2013.

логического сектора активно поддерживали представителей Демократической партии США. Политики от Республиканской партии в меньшей степени опирались на эту часть американского бизнеса в предвыборной борьбе⁵. В этой связи они нередко отстаивали в Конгрессе инициативы, связанные с усилением государственного контроля над информационной сферой, а также с использованием информационных ресурсов в интересах вооружённых сил, разведывательных и правоохранительных структур. В частности, после террористических атак 2001 г. республиканская администрация Джорджа Буша-младшего пролоббировала ряд мер, расширяющих права правительства по отслеживанию коммуникаций граждан. Наиболее ярким примером подобных законодательных инициатив, пожалуй, был закон «ПАТРИОТ»⁶, принятый вскоре после террористических атак 11 сентября 2001 года.

Примечательно, что взаимосвязь развития информационно-коммуникационного сектора и партийных предпочтений также находит проявление в региональном преломлении. Те американские штаты, экономика которых в большей степени зависит от производства знаний и информационных товаров, поддерживают демократов. Менее информатизированные части страны чаще голосуют за республиканцев. Данное разделение сыграло роль и в усилении внутреннего антагонизма (а по мнению ряда исследователей, даже раскола)

внутри американского общества, усилившегося в 2010-х годах [Рогов, Рогова 2017]. Наиболее ярким его проявлением стали президентские выборы 2016 г.

С учётом сохраняющегося партийного разделения в условиях интенсивного роста информатизации американская политика, направленная на регулирование этого процесса, неоднократно характеризовалась радикальной сменой подходов. Деятельность администрации Б. Обамы в этой области оказалась более взвешенной и умеренной. Её подход получил отражение, в частности, в Международной стратегии развития киберпространства, опубликованной в 2011 году⁷. Одним из выдающихся достижений администрации Б. Обамы в области информационной безопасности было принятие Акта о свободе. Он заменил Акт «ПАТРИОТ», принятый вскоре после террористических атак 11 сентября и предоставлявший широкий доступ специальным службам к конфиденциальной информации граждан⁸.

Усилению внешнеполитического аспекта политики США в отношении информационных ресурсов способствовало специфическое сочетание изоляционизма и интервенционизма в американской стратегии. Либеральная часть истеблишмента страны выступала за проведение активного курса на международной арене, привлечение мирового сообщества к решению глобальных проблем, в том числе к обеспечению информационной безопасности. Консерваторы стремились консолидировать инфор-

⁵ См. подробнее: Шариков П.А. «Список Сноудена» и предвыборная кампания в США. Сайт журнала «Международная жизнь». 15.09.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/13742>

⁶ В российской литературе название этого закона переводят по-разному, наиболее часто встречающиеся переводы — «Закон о патриотизме», «Закон по борьбе с терроризмом», однако USA PATRIOT Act — аббревиатура, расшифровка которой звучит как «Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001», дословно на русский язык это можно перевести как «Закон об объединении и укреплении Америки через обеспечение адекватными инструментами, необходимыми для перехвата и предотвращения терроризма». В данной работе на русском языке используется обозначение «закон «ПАТРИОТ»». См. подробнее: H.R.3162 — Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA PATRIOT) Act of 2001 // Library of Congress. Available at: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/3162/actions> (accessed: 8.02.2019).

⁷ International Strategy for Cyberspace. May 2011. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf

⁸ Statement by the President on the USA FREEDOM Act. June 02, 2015. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/06/02/statement-president-usa-freedom-act>

мационные ресурсы в руках государства для усиления американской мощи. В частности, один из наиболее ярких современных неоконсерваторов, Джон Болтон, назначенный Д. Трампом в апреле 2018 г. на должность советника президента по национальной безопасности, активно критиковал «наивный мультилатерализм» во внешней политике Б. Обамы, утверждая, что он представляет угрозу американскому национальному суверенитету [Bolton 2010].

В свою очередь, ранее администрация Б. Обамы заметно пересматривала подходы команды Дж. Буша к информационной безопасности. В Международной стратегии киберпространства 2011 года, упоминавшейся выше, основной акцент был сделан на многостороннем сотрудничестве для обеспечения безопасности. В информационной сфере, возможно, наиболее ярко проявлялся отказ от идеи однополярного мира. Если администрация Дж. Буша-мл. констатировала, что американское государство не в состоянии обеспечить информационную безопасность в одиночку без участия бизнеса⁹, то в стратегии Обамы утверждалось, что обеспечение безопасности невозможно без участия международных партнёров. В этой связи деятельность Б. Обамы вызвала жёсткую критику сторонников «американской исключительности», ярким представителем которых как раз является Дж. Болтон.

Примечательно, что на страницах «Международных процессов» уже неоднократно поднимались вопросы информационной стратегии США и проводилось сравнение российской и американской позиций. К примеру, за два года до обвинений России во вмешательстве в американские президентские выборы А. Стихин справедливо отмечал, что узловым аспектом противоречий, препятствующих формированию международного режима информационной безопасности, является «характер и социально-политические последствия информационного воздействия на внутреннюю ситуа-

цию в суверенных государствах» [Стихин 2014]. Автор обращает особое внимание на технологии Веб 2.0 и новые медиатехнологии и, в частности, социальные сети и утверждает, что «расширение влияния американских интернет-сервисов в глобальном масштабе создаёт дополнительные преимущества для Соединённых Штатов в этой области. Они обладают существенными возможностями формального и неформального воздействия на такие площадки». Данный тезис входит в противоречие с современной позицией большинства американских политиков, обвиняющих российские власти в том, что эти технологии были успешно использованы против США в ходе предвыборной кампании 2016 года. В другой статье Е. Батуева также поднимает вопрос различных подходов России и США к проблематике информационной безопасности и отмечает, что «США последовательно, начиная с администрации У. Клинтона, разрабатывают стратегию ведения информационных операций, стремясь максимально использовать их потенциал, в том числе в комплексе с традиционными военными операциями. При этом особое внимание уделяется наступательной компоненте, которая позволяет обеспечивать стратегическое преимущество в ходе военных операций, а также достигать поставленных целей, не переходя в стадию открытого военного конфликта» [Батуева 2014]. Соглашаясь с А. Стихиным и Е. Батуевой в сути принципиальных различий проблем информационной безопасности в России и США, стоит обратить внимание, что отличия существуют также и между различными политическими структурами внутри Соединённых Штатов. Этим объясняется то, что каждая президентская администрация декларировала различные приоритеты информационной стратегии и по-разному использовала информационные ресурсы во внешней и внутренней политике.

В настоящее время рано говорить о последовательной, детально продуманной по-

⁹ National Strategy to Secure Cyberspace, 2003 P. 2. URL: <https://www.energy.gov/sites/prod/files/National%20Strategy%20to%20Secure%20Cyberspace.pdf>

зиции каждой из американских партий по вопросу управления информационными ресурсами. Большинство решений основаны не на политической идеологии, а исходя из конъюнктурных соображений. Традиции индивидуализма определили генеральный подход американского истеблишмента к вызовам современной эпохи. В качестве ключевой задачи ставилось гарантирование равных возможностей производства и потребления информации каждому индивиду. Тем не менее, с учетом неравномерного распространения политических обязательств в условиях информационной эпохи, доступ к новым конкурентным преимуществам могут получить далеко не все.

В этой связи администрация Б. Обамы закрепила принцип «нейтральности сети»¹⁰, основанный на разработках американского профессора права Тима Ву¹¹. Последний утверждал, что все информационные сети должны стремиться обеспечить равный доступ всех пользователей к любому цифровому контенту [Wu 2003: 146]. Принцип нейтральности сети подразумевает, что ни коммерческие компании, ни политические организации не могут ограничивать такой доступ или предоставлять эксклюзивные привилегии. Безопасность информации достигается через гарантию защищённости инфраструктуры при том, что государственный регулятор и сетевые сервисы почти не контролируют содержание создаваемой и передаваемой информации.

Можно провести параллели между концепцией нейтральности сети и принципом свободы мореплавания, обеспечивавшим гегемонию Британской империи в XIX веке. Как отмечал советский исследователь Е.И. Татарченко, «первой и важнейшей задачей британского морского флота было

охранение свободы морей для предоставления полной безопасности её морской торговле» [Татарченко 1923: 22]. В современном мире американский информационный потенциал заметно превосходит возможности других стран, предоставляя конкурентные преимущества Соединённым Штатам и аффилированным с ними компаниям.

Вместе с тем принцип нейтральности сети необязательно связан с гегемонией Соединённых Штатов. *Во-первых*, специфика информационных ресурсов предполагает значительную асимметрию, то есть возможность нанесения заметного ущерба в отсутствие превосходства. *Во-вторых*, информация – важный, но не единственный параметр, определяющий мощь государств в современном мире. В США действительно наблюдалась эйфория после окончания «холодной войны», однако уже президент Б. Обама признал, что однополярному миру, а соответственно, и американской гегемонии не суждено состояться. Этот тезис нашёл отражение в Стратегии национальной безопасности США 2010 года¹² и в других доктринальных документах. *В-третьих*, в отношениях с европейскими союзниками проблема нейтральности сети не ставится даже на фоне появляющихся противоречий в других областях.

Фактически упомянутый принцип подразумевает гарантию равных возможностей индивидам в информационном пространстве. Между тем президент Д. Трамп инициировал решение Федеральной комиссии по связи отказаться от него во внутреннем американском регулировании¹³, чем спровоцировал мощную волну протестов со стороны предприятий информационно-технологического комплекса¹⁴. В мае 2018 г. отмена принципа нейтральности сети ста-

¹⁰ Net Neutrality, в российской литературе встречается перевод «сетевой нейтралитет».

¹¹ Net Neutrality. President Obama's Plan for a Free and Open Internet. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/node/323681>

¹² American National Security Strategy. The White House. 2010. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf>

¹³ FCC Releases Restoring Internet Freedom Order. 14.12.2017 URL: <https://www.fcc.gov/document/fcc-releases-restoring-internet-freedom-order>

¹⁴ Kang C. Big Tech to Join Legal Fight Against Net Neutrality Repeal // New York Times, January 5, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/01/05/technology/net-neutrality-lawsuit.html>

ла предметом обсуждения американских законодателей. С минимальным отрывом он был поддержан в Сенате в ходе голосования по проекту совместной резолюции Конгресса¹⁵ – расхождения в оценках представителей исполнительной и законодательной ветвей власти свидетельствует об отсутствии консенсуса в политическом истеблишменте по этой тематике. В этой связи стоит ожидать, что сторонники «свободного Интернета» продолжают оказывать давление на руководство страны. Эксперты исследовательской службы Конгресса ожидают продолжения дебатов относительно восстановления правила нейтральности сети новым 116-м созывом Конгресса США¹⁶.

Идеология нейтральности сети распространяется не только на внутривнутриполитическое регулирование информационной сферы, но и на внешнеполитическую деятельность. С учётом того, что международная деятельность государства требует активного информационного сопровождения, технологии XXI в. открывают новые возможности для национальной дипломатии. Официально принцип нейтральности сети не увязывается с внешней политикой, однако по многим признакам ряд внешнеполитических решений следует той же логике.

Взаимосвязь внутренних и внешних аспектов информационной политики Соединённых Штатов нашла отражение при обсуждении американского регулирования вопросов интеллектуальной соб-

ственности. В 2012 г. Конгресс США обсуждал два резонансных законопроекта – Акт о защите интеллектуальной собственности¹⁷ и Акт о борьбе с онлайн-пиратством¹⁸. Оба документа предусматривали положения, предоставляющие правоохранительным органам право блокирования сайтов, содержащих неправомерный контент. Среди американских компаний, занимающихся производством интеллектуальных продуктов, нашлось множество как противников, так и сторонников этих законодательных инициатив. Примечательно, что в качестве их оппонентов выступили в основном крупные интернет-корпорации, чья деятельность имеет глобальный охват¹⁹. Те же компании, которые ориентированы на внутренний рынок, поддержали законопроекты²⁰.

В силу особенностей информационных ресурсов их эффективное использование возможно исключительно при международном взаимодействии. Правоохранительные органы уполномочены контролировать потребление информации внутри национальных границ. В случае, когда оно приобретает глобальный охват – они оказываются юридически бессильны. Упомянутые законопроекты не были приняты – Конгресс принял сторону глобальных интернет-гигантов. Несмотря на американское происхождение этих корпораций, их успех основан на гарантии беспрепятственного распространения информации в глобальных масштабах. Правительство США,

¹⁵ S.J.Res.52 – A joint resolution providing for congressional disapproval under chapter 8 of title 5, United States Code, of the rule submitted by the Federal Communications Commission relating to «Restoring Internet Freedom». 115th Congress (2017-2018). URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-joint-resolution/52>

¹⁶ The Net Neutrality Debate: Access to Broadband Networks. Congressional Research Service Report. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R40616>

¹⁷ S.968 – PROTECT IP Act of 2011. URL: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/senate-bill/968/related-bills>

¹⁸ H.R.3261 – Stop Online Piracy Act. URL: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-bill/03261>

¹⁹ *Wortham J.* Public Outcry Over Antipiracy Bills Began as Grass-Roots Grumbling. The New York Times. 12.01.2012. URL: <https://www.nytimes.com/2012/01/20/technology/public-outcry-over-antipiracy-bills-began-as-grass-roots-grumbling.html?pagewanted=1&ref=technology>

²⁰ *Ryan F.* Companies Organizations That Support and Sponsor SOPA. Ranker. URL: <https://www.ranker.com/list/organizations-that-support-and-sponsor-sopa/pilgrimsprogressive>; List of Supporters: H.R. 3261, the Stop Online Piracy Act. URL: <https://web.archive.org/web/20120101014451/judiciary.house.gov/issues/Rogue%20Websites/List%20of%20SOPA%20Supporters.pdf>

таким образом, действовало исходя из интересов крупных интернет-компаний на международной арене.

Эта же логика проявилась в конфликте между корпорацией *Google* и китайским правительством, когда Пекин потребовал от корпорации соблюдать требования об ограничении контента. В результате интернет-сервис был вынужден уйти с рынка КНР. Государственный секретарь Хиллари Клинтон, комментируя конфликт Китая и корпорации, перефразировала положения пятой статьи Североатлантического договора: «страны или отдельные граждане, причастные к информационным атакам, должны понести суровое наказание и международное порицание, Интернет объединяет практически весь мир, атака на сеть одного государства может быть атакой на всех»²¹. Очевидно, что госсекретарь исходила из американского понимания информационного суверенитета, по её мнению, агрессором в данном случае был Китай, а пострадавшей стороной — корпорация *Google* и Соединённые Штаты.

Приверженность принципу нейтральности сети можно экстраполировать на информационную деятельность американской дипломатии, связанную не только с защитой коммерческих интересов компаний из Соединённых Штатов, но и в контексте непосредственно политических сюжетов. В частности, внимания заслуживает тезис о том, что США защищают свои национальные интересы не только военными методами принуждения, но и средствами убеждения.

Данный тезис одним из первых сформулировал американский профессор Джозеф Най. Он утверждал, что дипломаты могут использовать привлекательность культуры и идеологии своей страны для того, чтобы убеждать международных партнёров принимать решения, соответствующие американским интересам [Nye 2005: 16]. Использование идеологии и культуры в дипломати-

ческих отношениях с целью повышения привлекательности подразумевает интенсивное информационное взаимодействие, причём не только на высоком политическом уровне, но в значительной степени и между представителями гражданского общества.

Следуя принципу нейтральности сети, США рассчитывают на беспрепятственное проникновение в иностранное информационное пространство для того, чтобы использовать инструменты «мягкой силы». Современная информационно-технологическая инфраструктура открывает широкие возможности для подобной деятельности. Вместе с тем неудивительно, что последняя может восприниматься как нарушение государственного суверенитета в той мере, в какой правомерно ставить вопрос о существовании национального информационного пространства.

Исторические особенности развития политической системы США обусловили её заметные преимущества в информационную эпоху. Они обеспечили американское лидерство в современном мире. Вместе с тем адаптация к новым условиям происходит неравномерно даже внутри американского общества. Принцип нейтральности сети — единственная на сегодняшний день концепция, гарантирующая правовое равенство в производстве и потреблении информации. Критическое значение информационных ресурсов для Соединённых Штатов обеспечило приоритетность этой проблематики в защите национального суверенитета. Серьёзные проблемы возникают в связи с тем, что беспрепятственное производство и потребление информации в глобальном масштабе воспринимается американским правительством как необходимое условие защиты суверенитета. Многие страны с консервативными политическими традициями воспринимают подобную деятельность как угрозу и стремятся ограничить внутринациональное потребление и производство информации через усиление

²¹ Clinton H.R. Remarks on Internet Freedom. Secretary of State The Newseum. Washington, DC. January 21, 2010. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135519.htm>

государственного контроля. Подобный подход входит в противоречие с политикой США, в связи с чем возникает конфликт.

З

Указанные противоречия относительно информационного суверенитета проявляются наиболее ярко в контексте проблемы регулирования Интернета. Большой интерес вызывает мнение авторитетных российских экспертов в области информационной безопасности А. Стрельцова и А. Смирнова. Они утверждают, что содержание телеграммы, отправленной из американского посольства в Пекине в Вашингтон 25 января 2010 г., «убедительно раскрывает технологию, по существу, подрывной работы США в ИКТ-среде» [Смирнов, Стрельцов]. В этом документе содержится анализ китайской реакции на речь государственного секретаря Хиллари Клинтон, посвящённой свободе в Интернете, о которой упоминалось выше²². Автором телеграммы выступил посол США в КНР Джон Хантсман, назначенный в 2017 г. руководителем дипломатического представительства Соединённых Штатов в Москве.

Подобный карьерный путь высокопоставленного дипломата символичен, так как противоречия в подходах к регулированию информационной сферы в американо-китайских отношениях имеют много общего с разногласиями между Москвой и Вашингтоном. Более того, сохраняющиеся различия уже приводили к возникновению противоречий. В частности, они не позволили России и США достичь компромисса по вопросу глобального управления Интернетом. Примечательно, что позиции Москвы и Пекина по нему близки.

Российская политическая система также адаптируется к новым условиям, однако присущий ей консерватизм препятствует её эволюции в том направлении, которое преобладает на Западе. Под влиянием информационной революции российское руководство усиливает государственный контроль над информационной сферой, принимая юридические нормы, регулирующие её производство и потребление индивидами. В отечественных реалиях понятие информационной безопасности включает не только и не столько гарантии сохранности инфраструктуры, но и соответствие содержания публикуемых сведений установленным правительством стандартам.

Принятые законодательные меры возлагают на государственные функции определения вредности информации²³, а также полномочия ограничивать её распространение, в том числе в Интернете. Норма о локализации данных²⁴ свидетельствует о том, что российское правовое понимание феномена «информация» не учитывает особенностей этого ресурса и воспринимает его как физический объект, находящийся в юрисдикции государственного суверенитета. В 1990-х годах, когда цифровые технологии ещё не получили в России столь широкого распространения, как в США, приоритетом информационной безопасности был контроль над содержанием распространяемых сведений. В доктрине информационной безопасности в редакции 2000 г. даже не использовалось понятие «Интернет». Резонансным является законопроект²⁵, внесённый на рассмотрение Государственной Думы в декабре 2018 года, также известный как законопроект «о суверенном Интернете». Законопроект предусматриваются широкие пол-

²² Secretary's Internet freedom speech: China reaction. Embassy Cable. Wikileaks. 25.01.2010. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/10BEIJING183_a.html

²³ Закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/

²⁴ Норма о локализации данных была включена в Закон о персональных данных, вступивший в силу в 2015 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=286959&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.12558969092485028#06053742319945266>

²⁵ Законопроект № 608767-7 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части обеспечения безопасного и устойчивого функционирования сети «Интернет» на территории Российской Федерации)». URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/608767-7>

номочия государства в сфере контроля входящего и исходящего трафика, а также установка технологических решений, позволяющих в кратчайшие сроки ограничить доступ к информации в Интернете.

Во многих современных российских доктринальных документах интересы государства часто противопоставляются интересам граждан. В частности, новая редакция Доктрины информационной безопасности в редакции 2016 года²⁶ сохраняла триаду интересов личности, общества и государства, принятую еще в редакции 2000²⁷. Однако положения, касающиеся интересов личности, практически исчезли — сохранились только формулировки, касающиеся интересов государства.

В документе 2016 г. декларируется, что «стратегическими целями обеспечения информационной безопасности... являются защита суверенитета, поддержание политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина, а также защита критической информационной инфраструктуры». При этом основные угрозы связывались с деятельностью иностранных субъектов. Утверждалось, что «возможности трансграничного оборота информации всё чаще используются для достижения геополитических, противоречащих международному праву военно-политических, а также террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности»²⁸.

Российская экономика сохраняет зависимость от производства и экспорта энергоресурсов. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, экс-

порт минеральных продуктов во внешней торговле России всегда составлял порядка двух третей всего экспорта, в 2016 г. он составлял 59,2%²⁹. При этом сложившаяся система управления не в состоянии обеспечить эффективное развитие производства знаний и интеллектуальных продуктов, так как оно требует принципиально иных подходов. Характерный для российской политической системы патернализм подразумевает широкие полномочия государственных органов. При этом принцип верховенства права в отношении информационных ресурсов не гарантирован. В отличие от традиций западного индивидуализма консервативные, коллективистские традиции России подразумевают ограничение индивидуального производства и потребления информационных ресурсов и усиление правительственного контроля. Подобный подход распространяется и на информационную сферу, что приводит к противоречию между отечественным и американским взглядами на регулирование. Применение информационных ресурсов в целях защиты национального суверенитета в России имеет не меньшее значение, но совершенно иную природу, чем в США.

4

Разнообразие современных инструментов международного влияния затрудняет анализ взаимных обвинений Москвы и Вашингтона относительно вмешательства в выборы. В США российская роль в американских президентских выборах 2016 г. связывается с несколькими различными эпизодами. Ещё Б. Обама в конце своего президентского срока издал указ о проведении масштабного расследования вмешательства Москвы в электоральный процесс

²⁶ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/>

²⁷ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ № Пр-1895 от 9 сентября 2000 г. URL: <http://base.garant.ru/182535/#friends#ixzz4tECPhyL>

²⁸ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ № Пр-1895 от 9 сентября 2000 г. URL: <http://base.garant.ru/182535/#friends#ixzz4tECPhyL>

²⁹ Товарная структура экспорта Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vnesh-t/ts-exp.xls

в Соединённых Штатах³⁰. Аналогичные самостоятельные разбирательства были инициированы и Сенатом, и Палатой представителей. После скандального увольнения с должности директора ФБР Джеймса Коми руководить основным расследованием было поручено специальному прокурору Роберту Мюллеру.

27 апреля 2018 г. комитет по разведке Палаты представителей рассекретил часть доклада, посвящённого вмешательству России в президентские выборы³¹. В соответствии с ним сговор Д. Трампа или его ближайшего окружения с российскими властями доказан не был, однако вовлечение Москвы в предвыборную кампанию под сомнение не ставится. Открытая часть доклада практически не содержит новых фактов, не представленных ранее. В ней подробно описывается наиболее полная версия того, что американская сторона понимает под вмешательством России во внутренние дела Соединённых Штатов в ходе предвыборной президентской кампании 2016 года. Хотя представители демократического меньшинства в комитете настаивали на более жёстких выводах о связях Трампа и его окружения с Россией³², сенатский комитет подтвердил выводы, сделанные в докладе Палаты представителей³³.

В начале 2016 г. американские власти обвиняли Москву в организации взлома паролей членов национального комитета Демократической партии и публикации архива с компроматом на Хиллари Клинтон на сайте *Wikileaks*. Между тем представленные

в открытой печати подтверждения взлома не доказывали причастность российских властей³⁴. Официальные обвинения по данному эпизоду появились лишь спустя два года. В обвинительном документе не приводились доказательства, но детально описывалось, как предполагаемые 12 сотрудников Главного разведывательного управления Министерства обороны России осуществили взлом паролей электронной почты сотрудников Национального демократического комитета, а затем опубликовали архив через сайт *Wikileaks*³⁵.

Примечательно, что документ появился в середине июля 2018 года, накануне саммита президентов России и США. Исходя из уровня отношений двух стран, сценарий, при котором двенадцать обвиняемых российских граждан предстанут перед американским правосудием, был исключён. В этой связи публикация обвинительного акта накануне встречи В. Путина и Д. Трампа была направлена не на решение проблемы кибербезопасности, а преследовала иные цели (скорее всего внутривластные).

Предъявленные обвинения в основном связаны с киберпреступлениями: фишинг, взлом и проникновение во внутренние сети, кража информации. Это далеко не самые опасные киберугрозы, во всяком случае представляющие вызов не столько национальной безопасности, сколько отдельным индивидам. Зимой 2017 года, накануне вступления Д. Трампа в должность президента США, обвинения во вмешательстве дополнились изложением случаев некорректного

³⁰ Statement by the President on Actions in Response to Russian Malicious Cyber Activity and Harassment. December 29, 2016. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/12/29/statement-president-actions-response-russian-malicious-cyber-activity>

³¹ House Permanent Select Committee on Intelligence. Report on Russia Active Measures. March 22, 2018 URL: https://republicans-intelligence.house.gov/uploadedfiles/final_russia_investigation_report.pdf

³² Minority views to the Majority-produced "Report on Russian Active Measures, March 22, 2018". March 26, 2018. URL: <https://democrats-intelligence.house.gov/uploadedfiles/minorityviews.pdf>

³³ Senate committee agrees with intelligence community assessment of election meddling, breaking with GOP House investigation. URL: <https://edition.cnn.com/2018/05/16/politics/senate-committee-agrees-intelligence-community-election-meddling/index.html>

³⁴ *Herb J., Fox L., Raju M.* Senate committee agrees with intelligence community assessment of election meddling, breaking with GOP House investigation. CNN. 16.03.2018. URL: https://www.us-cert.gov/sites/default/files/publications/JAR_16-20296A_GRIZZLY%20STEPPE-2016-1229.pdf

³⁵ Indictment. Case 1:18-cr-00215-ABJ in the U.S. District Court for the District of Columbia. 13.07.2018. URL: <https://www.justice.gov/file/1080281/download>

изложения российскими государственными СМИ информации о ходе президентской кампании, а также распространения пропаганды среди американских избирателей³⁶. Данные действия сложно использовать для обоснования вмешательства Москвы в выборы, учитывая масштабы американского рынка средств массовой информации, на котором российские государственные медиа не пользуются большой популярностью и не имеют возможность оказать сколь-нибудь заметное влияние на общественное мнение.

Третий, последний, эпизод, инкриминируемый Москве, представляет особый интерес, поскольку в рамках этого эпизода впервые за историю расследований были предъявлены официальные обвинения. Он связан с деятельностью российских физических и юридических лиц, использующих американские интернет-технологии для размещения политических роликов³⁷. В США (как и в России) существует законодательство, запрещающее иностранное финансирование предвыборных кампаний. Инструментом для распространения этих материалов стала социальная сеть *Facebook*, открывающая широкие возможности для таргетированной рекламы, то есть предоставления доступа к информации только тем категориям пользователей, которым это может быть интересно.

Для того чтобы максимально эффективно распространять рекламные ролики, необходимо проанализировать колоссальный массив данных, сопоставление которых позволит определить группы населения, которые, вероятнее всего, обратят внимание на предлагаемый контент. Такие сведе-

ния зачастую включают конфиденциальную информацию, распространение которой покушается на неприкосновенность частной жизни. Сбор этих данных сопровождался правонарушениями, а анализом занималась фирма *Cambridge Analytica*.

Учитывая общественный резонанс обнародованных фактов использования персональных данных, комитет Сената по торговле пригласил на специальные слушания³⁸ главу социальной сети *Facebook* Марка Цукерберга. Основная претензия американских законодателей заключалась в том, что компания не смогла гарантировать неприкосновенность конфиденциальной информации и допустила попадание этих данных в руки недобросовестных политических организаций. Марк Цукерберг взял ответственность на себя и убедил Сенат в том, что примет необходимые меры для защиты пользователей в дальнейшем³⁹. В свою очередь, комитет Сената опубликовал подробную подборку примеров предполагаемого вмешательства, причём каждый из них сопровождался информацией о дате размещения, количестве просмотров, репостов, размере оплаты, имени заказчика⁴⁰.

Судя по рассмотренным примерам, угроза американскому суверенитету связывается с тем, что деятельность компании *Facebook* позволила иностранным лицам получить доступ к конфиденциальной информации об американских пользователях и профинансировать распространение политических роликов. Несмотря на пристальное внимание общественности к проблеме вмешательства России в президентские выборы, предъявленные официально

³⁶ Background to "Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections": The Analytic Process and Cyber Incident Attribution. U.S. Office of the DNI. 06.01.2018. URL: https://www.dni.gov/files/documents/ICA_2017_01.pdf

³⁷ Indictment in the U.S. District Court for the District of Columbia. 16.02.2018. URL: <https://www.justice.gov/opa/press-release/file/1035562/download>

³⁸ Facebook, Social Media Privacy, and the Use and Abuse of Data. Senate Committee Hearing. 10.04.2018. URL: <https://www.commerce.senate.gov/public/index.cfm/hearings?ID=E7C85E5C-BBA9-4AD9-861D-85B7340BBDFB>

³⁹ *Lapowsky I.* Mark Zuckerberg Speaks Out on Cambridge Analytica Scandal. *Wired*. 21.03.2018. URL: <https://www.wired.com/story/mark-zuckerberg-statement-cambridge-analytica/>

⁴⁰ Social Media Advertisements. Permanent Select Committee on Intelligence. U.S. House of Representatives. URL: <https://democrats-intelligence.house.gov/facebook-ads/social-media-advertisements.htm>

претензии не связаны с содержанием распространяемой информации или с её эффектом — ни в одном из случаев её влияние на американское общественное мнение не прослеживается.

В России преобладает иное по сравнению с Соединёнными Штатами понимание попыток иностранного воздействия на внутриполитические процессы, в том числе на президентские выборы. Оно получило отражение в докладе Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации, опубликованном в феврале 2018 года, накануне президентских выборов в России.

Почти весь текст документа посвящён изложению различных форм влияния Соединённых Штатов на политические процессы в различных странах во второй половине XX века. Авторы отмечают, что если в период «холодной войны» США часто использовали методы военной агрессии для вмешательства во внутриполитические процессы других стран, то после распада СССР «в ход пошла тяжёлая политико-дипломатическая артиллерия»⁴¹. Авторы доклада выделили 10 основных направлений вмешательства извне во внутренние дела России: «деятельность НКО, образовательные программы, использование СМИ и социальных сетей для дискредитации институтов власти и политических лидеров, дискредитация Русской православной церкви, стимулирование протестной повестки и вовлечение молодёжи, очернение на мировой арене российской политической и социально-экономической жизни»⁴².

Декларируемые угрозы российскому суверенитету лежат в информационной сфере, но не связаны с индивидуальным потреблением или производством информации. Более того, объясняя технологии вмешательства во внутренние дела, авторы доклада фактически описывают инструменты «мягкой силы» — использование не-

коммерческих организаций, культурных обменов, образовательных программ, аналитических центров. Соответственно российское руководство разрабатывает меры противодействия исходя из собственного понимания вызовов. При этом, учитывая неодинаковую роль информационных ресурсов в российском и американском обществах, а также различную степень государственного контроля, дать симметричный ответ посредством нанесения противостепенного удара заведомо невозможно. Логичной реакцией становится ограничение информационной деятельности граждан, что, в свою очередь, входит в противоречие с принципом нейтральности сети, подразумевающим беспрепятственное информационное взаимодействие.

Таким образом, во взаимных обвинениях в нарушении государственного суверенитета Россия и Соединённые Штаты понимают принципиально разные вещи. Действия, которые в США считаются правомерными, воспринимаются Россией как угроза. Оборонительные шаги со стороны Москвы становятся реакцией на то, что нападением не являлось. Учитывая бескомпромиссный характер позиций сторон, казалось, что перспективы разрешения проблемы отсутствуют. Тем не менее на двустороннем российско-американском саммите в Хельсинки летом 2018 г. был представлен конструктивный вариант решения противоречий. Президент В.В. Путин предложил представителям американских спецслужб присутствовать на допросе обвиняемых россиян, но только в случае получения соответствующего запроса Министерства юстиции США⁴³. При этом был предложен характерный для традиции «холодной войны» принцип паритета. Представителям российских спецслужб должно быть разрешено присутствовать на допросе американских граждан, которых Москва обвиняет во вмешательстве в её внутренние дела.

⁴¹ С. 51. URL: <http://council.gov.ru/media/files/G6hNGZ3VbQNiMdZk11BKbrsvuRXPwim.pdf> Sharikov_verstka.doc

⁴² С. 5. URL: <http://council.gov.ru/media/files/BX3FqMRAI7ykAmPLR14cR1ju4RaswiKN.pdf>

⁴³ Пресс-конференция по итогам переговоров президентов России и США. 16 июля 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58017>

Более того, российский лидер предложил допросить сторонников Хиллари Клинтон, внутриполитического соперника Д. Трампа на президентских выборах. Встреча на высшем уровне не принесла сторонам желаемых результатов — вскоре после саммита стало понятно, что достигнутым договорённостям не суждено реализоваться.

* * *

Проблема вмешательства во внутренние дела остаётся одним из мощных раздражителей в российско-американских отношениях. При том что обвинения взаимные, в России и США под вмешательством во внутренние дела понимаются разные вещи. Различное понимание проблемы не позволяет выработать её конструктивное решение. Несмотря на позицию президента Д. Трампа, снять обвинения с России вряд ли получится в обозримой перспективе. Соответственно, и дальнейшие российско-американские отношения необходимо строить исходя из того, что они станут новой константой.

При этом проблема информационной безопасности объективно остаётся вызовом национальной безопасности как в России, так и в США. По мере повышения влияния индивидов благодаря информационным технологиям государственные ведомства утрачивают возможности контроля над информационной деятельностью. В двусторонних отношениях большую роль играет взаимодействие на уровне гражданского общества и экспертов, правительства же не в состоянии сдерживать развитие кризиса.

Другая особенность нынешнего российско-американского конфликта — значительная роль внутриполитических соображений. В частности, расследование предполагаемого сговора Трампа с Россией, судя по всему, необходимо для оказания давления на действу-

ющего президента его противникам в Соединённых Штатах. Соответственно, позиционирование России как угрозы останется актуальным по крайней мере до тех пор, пока не будут разрешены внутренние противоречия в США. В отношении проблемы российского вмешательства наблюдается сильнейшая асимметрия между сообщениями в СМИ, которые носят иной раз откровенно пропагандистский характер, и официальными решениями политических деятелей. Судя по информации о предполагаемом вмешательстве, доступной в официальных документах, обвинения россиян ограничиваются отдельными киберпреступлениями, но не атакой на государственный суверенитет.

Промежуточные выборы в Конгресс в ноябре 2018 г. выступают кульминацией очередного избирательного цикла американского политического процесса. Уже летом развернулась ожесточённая борьба, учитывая, что представители Демократической партии имеют шанс вернуть себе большинство по крайней мере в одной из палат Конгресса (а возможно, и в обеих). Раскол в американском обществе, обнажившийся на выборах 2016 г., продолжает усиливаться. Уже появляются опасения относительно перспективы вмешательства России в промежуточные выборы⁴⁴. Эти обвинения, разумеется, также создают дополнительный негативный фон для двусторонних отношений. На обоих берегах Атлантики есть политические силы, признающие, что дальнейшая эскалация кризиса двусторонних отношений опасна, безответственна и бесперспективна. К сожалению, подобные мнения высказываются в основном на экспертном, а не на официальном уровне⁴⁵. Противоречия в информационной сфере играют заметную роль в наблюдаемом обострении российско-американского взаимодействия.

⁴⁴ As midterm elections approach, a growing concern that the nation is not protected from Russian interference. August 1, 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/as-midterm-elections-approach-a-growing-concern-that-the-nation-is-not-protected-from-russian-interference/2018/08/01/7f0f4324-95b2-11e8-810c-5fa705927d54_story.html?utm_term=.dcace5579bd4

⁴⁵ См., напр.: Совместный доклад РСМД и CSIS по российско-американским отношениям 2017 г. URL: <https://www.csis.org/analysis/roadmap-us-russia-relations>

Список литературы

- Батуева Е.В.* К определению национальной киберстратегии // Международные процессы. 2014. Т. 12. №1–2 (36–37). С. 117–127.
- Гоним В.* Революция 2.0 СПб.: Лениздат, 2012. 352 с.
- Ефремов А.А.* Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.
- Зиновьева Е.С.* Перспективные тенденции формирования международного режима по обеспечению международной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. №4 (49). С. 235–247.
- Ленин В.И.* Советы постороннего // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 34. 1969. 619 с.
- Кокошин А.А.* Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2006. 140 с.
- Рогов С.М., Рогова Н.В.* Выборы 2016 года в США: итоги и перспективы (часть первая) // США–Канада: экономика, политика, культура. 2017. №1 (565). С. 17–31.
- Смирнов А., Стрельцов А.* Российско-американское сотрудничество в области международной информационной безопасности: предложения по приоритетным направлениям // Международная жизнь. 2017. № 11. С. 71–81.
- Стихин А.Е.* Глобальные интернет-сервисы в структуре инструментов американской внешней политики // Международные процессы. 2014. Т. 12. №1–2 (36–37). С. 105–116.
- Татарченко Е.И.* Воздушный флот Британской Империи. М.: Военный вестник, 1923. 80 с.
- Bell D.* (1973). The coming of Post-Industrial Society: A venture in Social Forecasting. New York. 508 p.
- Bolton J.* How Barack Obama is endangering our national sovereignty. 2010 Encounter Books. 48 p.
- Krasner S.* Sovereignty: organized hypocrisy. Princeton New Jersey: Princeton University Press, 1999. 275 p.
- Wu T.* Network Neutrality, Broadband Discrimination. Journal of Telecommunications and High Technology Law, Vol. 2. 2003. 141 p. DOI: 10.2139/ssrn.388863
- Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: PublicAffairs, 2005. 191 p.
- Ruijgrok K.* From the web to the streets: internet and protests under authoritarian regimes. DEMOCRATIZATION, Volume 24, 2017 – Issue 3. Pages 498-520 doi.org/10.1080/13510347.2016.1223630
- Teschke B.* The myth of 1648, Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations. 2003.
- Toffler A.* The Third Wave. Morrow, New York. 1980. 560 p.

INFORMATION SOVEREIGNTY AND INTERFERENCE IN DOMESTIC AFFAIRS IN RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS

PAVEL SHARIKOV

Institute of the U.S. and Canada Studies, Moscow, 121069, Russia

Abstract

The main aim of this article is to analyze the information factor of the recent crisis in Russian-American relations in the context of mutual accusations of interference in domestic affairs. Ubiquitous spread of information technologies has increasing influence on political processes, especially in communication between the authorities and civil society. Information security is of special concern in this regard. It has direct impact on national sovereignty, given that interference in domestic affairs affects public support of the elected official during the election campaigns and between them. Domestic affairs interference is analyzed as a part of the government approach to information regulations. The actuality of the article is also defined by the fact that the problems are explored within the framework of the crisis in Russian-

American relations. American experience of information regulation is of special interest because USA was the epicenter of information revolution. After a period of trial and error, US government adopted a Net Neutrality rule, which guaranteed equal access to producing and consuming information for every American citizen. Net Neutrality approach to information regulation may be extended to other official American information activities, including foreign policy. In other words, any obstacle that prevents free flow of information is perceived as a threat to national sovereignty. Russian approach is based on more conservative legal traditions. The specifics of Russian approach to information regulation is that security includes not only infrastructure safety, but also the compliance of the contents of information with the adopted standards. The recent Russian legislation establishes strict rules of government regulation of information, including denying access to some pieces of information on the internet, as well as wide government authorities over personal information. The controversies between Russia and United States in defending national sovereignty are especially sharp in the context of mutual accusations in interference in domestic affairs. Obviously both countries imply different violations when accuse each other of interference. In addition, some actions legal in the United States are illegal in Russia and vice versa.

Keywords:

Russian-American relations; information security; international relations; national sovereignty; information policies; privacy policies; net neutrality; presidential elections; interference with domestic affairs.

References

- Batyeva E.V. (2014). K opredeleniyu natsionalnoi kiberstrategii [Defining national cyberstrategy]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 12 No. 1–2. (36–37). P. 117–127.
- Bell D. (1973). *The coming of Post-Industrial Society: A venture in Social Forecasting*. New York. 508 p.
- Bolton J. (2010). *How Barack Obama is endangering our national sovereignty*. Encounter Books. 48 p.
- Efremov A.A. (2017). Formirovanie kontseptsii informatsionnogo suvereniteta gosudarstva [Formation of the Concept of Information Sovereignty of the State]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. No. 1.
- Ghonim V. (2012). *Revolutsia 2.0 [Revolution 2.0]*. Sankt-Peterburg: Lenizdat. 352 p.
- Kokoshin A.A. (2006). *Realny suverenitet v sovremennoy miropoliticheskoy sisteme [Real Sovereignty in a World Political System]*. Moscow: 140 p.
- Krasner S. (1999). *Sovereignty: organized hypocrisy*. Princeton University Press, Princeton New Jersey. 275 p.
- Lenin V.I. (1969). Soviety postoronnego [Advises by the Outsider]. In Lenin V.I. *Polnoye sobranie sochinenii. izd. 5 t.* 34. 619 p.
- Nye J. (2005). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: PublicAffairs. 191 p.
- Rogov S.M., Rogova N.V. (2017). Vybory 2016 goda v SShA: itogi i perspektivy (chast pervaya) [U.S. Presidential Elections 2016: Outcomes and Perspectives (Part One)]. *SShA i Kanada: Ekonomika, Politika, Kultura*. No. 1 (565). P. 17–31.
- Ruijgrok K. (2017). From the web to the streets: internet and protests under authoritarian regimes. *DEMOCRATIZATION*. Vol. 24. Issue 3. P. 498–520. doi.org/10.1080/13510347.2016.1223630
- Smirnov A., Streltsov A. (2017). Rossiisko-amerikanskoe sotrudnichestvo v oblasti mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti: predlozheniya po prioritetnym napravleniyam [Russian-American Cooperation on International Information Security: Suggestions for Priority Agenda]. *Mezhdunarodnaya Zhizn*. No. 11. P. 71–81.
- Stikhin A.E. (2014). Globalnye internet-servisy v structure instrumentov amerikanskoj vneshey politiki [Global internet-services among the instruments of US foreign policy]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 12. No. 1–2 (36–37). P. 105–116.
- Tatarchenko E.I. (1923). *Vozdushny flot Britanskoi Imprii [British Imperial Air Fleet]*. Voyenny vestnik. 80 p.
- Teschke B. (2003). *The myth of 1648, Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations*. 308 p.
- Toffler A. (1980). *The Third Wave*. N.Y.: Morrow. 560 p.
- Wu T. (2003). Network Neutrality, Broadband Discrimination. *Journal of Telecommunications and High Technology Law*. Vol. 2. 141 p. DOI: 10.2139/ssrn.388863
- Zinovyeva E.S. (2016). Perspektivnye tendentsii formirovaniya mezhdunarodnogo rejima po obespecheniyu mezhdunarodnoi bezopasnosti. [Perspective trends in forming international regime of ensuring international information security]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 4 (49). P. 235–247.